

Преодоление противоречий между интересами семей и принципами работы судебной системы

ВАСУКИ НЕСИЯ*

В данной статье рассматриваются судебные и несудебные механизмы с точки зрения того, каким образом они могут обеспечивать удовлетворение потребностей и соблюдение приоритетов семей лиц, пропавших без вести, а также даются рекомендации для государств, негосударственных образований и международных организаций.

Исчезновение людей тяжело переносится их близкими. Тяжесть ситуации зачастую усугубляется пренебрежением потребностями и приоритетами родственников или их игнорированием. МККК были выявлены три основные категории потребностей и приоритетов семей: получение информации, привлечение виновных к ответственности и признание фактов преступлений. Эти три категории и являются предметом обсуждения в настоящей статье. Каждая из них включает в себя широкий спектр интересов и требований относительно ведения дел об исчезновении людей.

Семьи и судебные механизмы

Судебные механизмы зависят от правовой системы, социоисторического контекста, традиций трактовки, и пр. Обобщения, продиктованные задачей получения общего представления о проблеме, не следует воспринимать как исчерпывающее описание всех существующих судебных механизмов; данная статья преследует более скромную цель, и обобщения используются в эвристических целях для выявления конкретных характеристик определенного «типа» стандартного механизма уголовного судопроизводства, который мы классифицируем как судебный. Судебная система, не выполняющая сво-

* Васуки Несия – доктор международного публичного права (Гарвардская школа права), доктор права (Гарвардская школа права), бакалавр искусств (почетный) (Корнеллский университет), старший партнер в Международном центре правосудия переходного периода в Нью-Йорке.

их функций в соответствии с принципами прав человека, не может в полной мере обеспечить удовлетворение потребностей семей лиц, пропавших без вести, в получении информации, привлечении виновных к ответственности и признании. В данной статье путем рассмотрения каждой из этих трех категорий потребностей и приоритетов раскрывается, каким образом отлаженно работающие судебные механизмы решают или могут решить проблемы семей. Степень, в которой судебная система обеспечивает удовлетворение потребностей и соблюдение интересов жертв или их семей, может пролить свет на важный аспект статуса принципов прав человека в этой судебной системе.

Информация и судебные механизмы

В зависимости от конкретной правовой системы проведением расследования на начальном этапе судебного процесса занимается полиция, прокуратура и/или судья или магистрат. На последующих стадиях процесса информация, начиная с письменных показаний и заканчивая устными показаниями в зале суда, также поступает от адвокатов и свидетелей и пропускается через систему материальных и процессуальных норм и судебных решений. Роль государственных чиновников и судебных процедур в сборе и оценке информации огромна. Именно эти общественные институты в состоянии помочь семьям пропавших без вести в их стремлении к проведению расследования и раскрытию информации.

Расследования, проводимые в рамках судебного преследования, могут мобилизовать ресурсы и полномочия государства для получения информации. Они могут стать инструментом эффективной реализации прав полиции на арест, законное задержание, проведение допросов, переговоров о признании вины и использование методов, необходимых для того, чтобы склонить свидетелей, которые не хотят сотрудничать со следствием, к раскрытию информации. Кроме того, они могут облегчать получение ордеров, открывающих доступ к документам и другим закрытым для доступа или находящимся в руках частных лиц или государства уликам. Судебные расследования также обеспечивают гарантию того, что собранная информация в максимальной степени имеет отношение к преступлению и способствует тому, чтобы виновные понесли наказание. Более того, так как сотрудники полиции и следователи имеют подготовку и профессиональный опыт в сборе необходимой информации о преступлениях, их действия могут быть особенно эффектив-

ными в получении информации, которая обычно не раскрывается. Наконец, поскольку она проходит через судебные механизмы, которые проверяют и оценивают ее в соответствии с объективными стандартами доказательства, семьи пропавших без вести могут быть уверены в достоверности и надежности информации, устанавливаемой в ходе такого процесса.

Таким образом, расследования, если они проводятся добросовестно и объективно в рамках судебного разбирательства, способны помочь сделать важный шаг на пути к раскрытию информации об участниках и непосредственных обстоятельствах совершения самого преступления. Помимо этого, большая часть информации, раскрываемой в процессе уголовного расследования, может оказаться ценной, с точки зрения ее возможного использования для возбуждения гражданских исков семьями пропавших без вести. Поэтому добросовестно проведенное уголовное расследование практически всегда находит положительный отклик в сердцах членов семей пропавших без вести.

В то же время расследования, проводимые полицией и прокуратурой, могут не отвечать потребностям семей. В большинстве случаев проведение уголовного расследования с перспективой судебного разбирательства может зависеть исключительно от решения прокурора, а степень участия в нем жертв может быть минимальной. Для жертв доступ к информации, находящейся в распоряжении полиции или обвинения, зачастую ограничивается правовыми и процессуальными требованиями и другими положениями закона, обязывающими следователей и представителей прокуратуры соблюдать конфиденциальность и не разглашать преждевременно информацию, подлежащую проверке в ходе судебного процесса, и не ущемлять права подсудимого на справедливое разбирательство путем преждевременного предания информации огласке. Более того, стратегия, используемая обвинением, а также институциональная и профессиональная культура проведения расследований почти всегда требуют значительной степени секретности при проведении таких расследований. Таким образом, несмотря на то что члены семей пропавших без вести отвечают на вопросы следствия и дают показания, они не имеют доступа к информации о ходе расследования и в результате могут ощущать еще большую беспомощность и непричастность к проводимому судебному процессу.

Цель расследований — установление личности тех, чью вину в нарушении закона можно доказать в суде. У семей пропавших без вести могут быть

более широкие цели. Семьи исчезнувших порой больше интересуется, кто из представителей политической власти спровоцировал, допустил или узаконил такие преступления, тогда как основным приоритетом в действиях следствия является концентрация усилий на выявлении исполнителя, поскольку ответственность командования очень трудно доказать в суде (и особенно потому, что такие исчезновения обычно санкционируются из центра, а планируются и осуществляются децентрализованно).

В странах, где законодательство основано на римском праве, отдельные лица, ставшие жертвами преступлений, могут инициировать судебное преследование и/или быть *partie civile* (соистцом) совместно с обвинителем. Законы таких стран дают семьям жертв доступ к информации, полученной в результате применения судебных механизмов. В число других средств, обеспечивающих больший доступ к такой информации со стороны семей пострадавших, входят усиленные механизмы правовой помощи, предусматривающие более тесные консультации и координирование действий с клиентом.

Судебные расследования могут в определенной степени отвечать целям, которые преследуют семьи; однако порой интересы семей и следствия расходятся и судебные механизмы могут разрываться между потребностью пострадавших в получении информации и задачей обвинения не допустить, чтобы разглашение такой информации привело к созданию предвзятого мнения об ответчике.

Привлечение к ответственности и судебные механизмы

Судебные механизмы, безусловно, являются стандартной моделью обеспечения семей пострадавших эффективными средствами привлечения преступников к ответственности за их действия. В хорошо функционирующей системе, особенно с точки зрения уважения гражданских свобод и равной защиты всех в соответствии с правом, судебные механизмы являются особенно эффективными инструментами для привлечения виновных к ответственности.

В ходе надлежащей правовой процедуры и в соответствии с принятыми стандартами получения доказательств, однозначно подтверждающих тот факт, что преступления совершены не анонимной группой людей, а конкретными лицами, которых можно найти, судебная система призвана устанавливать их виновность или невиновность. При привлечении преступников к от-

ответственности за содеянное судебные системы могут также налагать на них санкции и обязывать выплачивать компенсации потерпевшим. Для семей пропавших без вести судебные механизмы обеспечивают не только надежный механизм установления фактов нарушения преступниками закона, но и официальное и публичное признание того, что нарушение произошло с попустительства государства и что пострадавшим был нанесен ущерб. Помимо привлечения отдельных лиц к ответственности, судебные механизмы способствуют тому, чтобы призвать к ответу, прямо или косвенно, саму систему. Что еще более важно, они сигнализируют о недопустимости безнаказанности и подтверждают стремление государства к восстановлению справедливости и соблюдению прав человека.

Несмотря на большое значение и роль судебной системы в привлечении преступников к ответственности, судебные механизмы могут также препятствовать этому. Они базируются на сложных процессуальных нормах, обеспечивающих справедливое и объективное расследование. Однако соблюдение таких гарантий порой требует больших финансовых средств и времени, а также наличия эффективной полицейской и правовой инфраструктуры. В случае отсутствия или недостаточности этих компонентов судебная система не в состоянии удовлетворить потребности семей жертв в привлечении виновных к ответственности. Проблема осложняется, когда количество нарушений прав человека, в том числе количество пропавших людей, так велико, что даже идеально функционирующая система может привлечь к ответственности только какую-то часть преступников. Судебные действия ориентированы главным образом на привлечение к ответственности отдельных лиц. В основном суды рассматривают персональные дела, а не иски, возбужденные против класса или группы лиц. Однако многие семьи порой ощущают, что их права попираются принципами работы системы, взлелеявшей или, по меньшей мере, допустившей такие зверства. Впоследствии они могут захотеть, чтобы механизмы привлечения к ответственности не ограничивались установлением вины отдельно взятых лиц, а рассмотрели такие аспекты, как конкретная структура или организация государства, классовая структура, военное правительство, воинствующая группировка, доминирующее этническое, расовое или религиозное большинство или даже безразличное или соучаствующее международное сообщество. В некоторых случаях судебные разбирательства проходят «за закрытыми дверями», что лишает пострадавших права на публичное привлечение к ответственности.

Неприятная процедура перекрестного допроса может усилить страдания, переживаемые жертвами даже в ходе процесса, направленного на привлечение виновных к ответственности. Возможно, это является симптомом более глубокой проблемы, заключающейся в том, что судебные системы зачастую отворачиваются от пострадавших и нацелены на торжество закона, оставляя при этом без внимания интересы пострадавших и их семей.

Признание факта совершения преступления и судебные механизмы

Семьи пропавших без вести добиваются признания факта совершения преступления, и судебные механизмы являются важной основой для достижения данных целей. С их помощью достигается признание государством допущенных нарушений и своей прямой или косвенной вины. Являя собой форму официального процесса «поиска истины», судебные механизмы помогают выявить обстоятельства, в которых совершалось преступление, и признать его как факт. Они также позволяют отдельным преступникам признать свою роль в совершении преступления и взять на себя ответственность за нанесенный ущерб. Когда эти механизмы предусматривают выплату компенсаций, проведение институциональных реформ, и т.п., они становятся мощным средством, позволяющим добиться признания ущерба, понесенного жертвами и их семьями.

С другой стороны, семьям пропавших порой кажется, что из-за процессуальных препон, информация и признание факта преступления становятся заложниками судебного процесса. Например, судебная правда может не быть рассчитана на привлечение к ответственности лиц или организаций, приказы и распоряжения которых стали причиной исчезновения людей, если их виновность невозможно доказать в суде. Обычно в центре внимания процесса находится отдельно взятое лицо, и в этом смысле признание факта со стороны государства также персонифицировано. Трудно прямо признать наличие системных или структурных проблем, приведших к нарушению или сделавших возможным такое нарушение. Подобным образом, когда преступление совершается против группы людей (на основании таких параметров, как принадлежность к определенной народности, религии, и пр.), судебные механизмы особенно сильно «пробуксовывают», когда дело касается идентификации и отслеживания таких проблем и причин.

В связи с этим необходимо рассмотреть и несудебные механизмы (в том числе положения, регулирующие процессы с участием специальных

прокуроров, и другие нестандартные процессы) с точки зрения их способности удовлетворять потребности и интересы семей пропавших без вести.

Семьи и несудебные механизмы

Термин «несудебные механизмы» в контексте данной статьи означает открытую категорию, охватывающую обширный спектр инициатив, начиная с создания комиссий по установлению истины и заканчивая проектами по документированию нарушений прав человека и установке памятников жертвам таких нарушений. Обычно несудебные механизмы отличаются от судебных меньшей строгостью соблюдения формальностей и большей гибкостью. Некоторые выражают опасения, что именно такие качества могут сделать судебные механизмы слабым оружием в ситуациях, когда необходимо оказать давление на власти для получения информации и признания и (или) привлечения представителей власти к ответственности за их действия или бездействие. Но потенциал таких механизмов может заключаться именно в том, что они способны ставить во главу угла интересы потерпевших, а не преступников, и интересы гражданского общества, а не государства. Именно благодаря своим качествам они способны полнее учитывать потребности пострадавших и их семей.

Информация и несудебные механизмы

В ходе кампании по сбору большего объема информации о местонахождении пропавших без вести следственные органы, имеющие полномочия на выяснение их местонахождения, могут получить право на использование определенных стимулов, поощрений и угроз для того, чтобы заставить преступников и свидетелей, не желающих идти на контакт, сотрудничать с целью предоставления информации. Использование этих мер будет зависеть от того, кто владеет информацией и какой набор поощрений, стимулов и угроз может привести к получению информации, а также от институциональной способности следственных органов обеспечить защиту свидетелей, готовых пойти на сотрудничество в виде дачи показаний. Потребуется проведение консультаций с группами поддержки и защиты свидетелей, чтобы использование этих методов не подвергало опасности жизнь свидетелей, не исключало амнистии или возможности для жертв высказывать свою точку зрения и быть услышанными в процессе принятия решений.

Следственные органы могут использовать определенные стимулы и поощрения для привлечения преступников и свидетелей к сотрудничеству без непосредственного применения уголовных санкций. Например, следственные органы имеют право предложить свидетелям конфиденциальную дачу показаний, что может считаться стимулом в ситуации, когда существующая угроза безопасности дает основание для использования механизмов защиты свидетелей. Конфиденциальная дача свидетельских показаний может также служить стимулом для тех, кто не стремится давать такие показания публично из-за боязни позора или в силу определенных традиций, существующих в данном обществе. Например, очень часто жертвы сексуальных преступлений не хотели раскрывать информацию, потому что боялись публичного унижения и/или считали, что обстоятельства, пережитые ими, слишком интимные, личные для того, чтобы обсуждать их на людях. Конфиденциальная дача свидетельских показаний в сочетании с предоставлением определенной неприкосновенности может быть стимулом для тех, кто хочет, не подвергая риску судебного преследования виновных, сообщить информацию, которая поможет семьям больше узнать о судьбе их родных.

Следственные органы могут также с целью получения информации применять угрозы наказания за отказ в помощи, например, за непредоставление информации о случаях нарушения прав человека (при наличии адекватной программы защиты свидетелей, если существует опасность для их жизни). Таким образом, вместо сотрудничества на условиях получения уступок в виде амнистии и/или менее сурового наказания, такой подход предполагает возможность угрозы наказанием в виде уголовных или административных санкций для тех, кто не желает идти на контакт. Это особенно полезно в ситуациях, когда предыдущая амнистия за первоначальное преступление не оставляет преступникам достаточных стимулов для сотрудничества, а следователям — достаточных возможностей для того, чтобы склонить преступников и нежелающих сотрудничать свидетелей к раскрытию информации. Даже если предыдущая амнистия защищает преступников от уголовного преследования за их первоначальное преступление, эта амнистия распространяется только на уголовную ответственность за совершение самого преступления и не оправдывает сокрытие информации о преступлении.

В данном контексте настоящее положение должно предусматривать право не давать невыгодных для себя показаний, а также гарантии должным образом организованного судебного процесса. При разработке и реализации такого закона следует особое внимание уделить тому, чтобы он не создавал но-

вое правонарушение *ex-post-facto*. Этот закон должен служить предупреждением о новом обязательстве по раскрытию информации, а не накладывать имеющее обратную силу обязательство. Очень важно, чтобы жертв рассматриваемых преступлений не обвинили в преступлении, заключающемся в нераскрытии информации. При реализации данного механизма, равно как и других, важно учитывать характерные для некоторых ситуаций сложности, связанные с определением того, кто является жертвой, а кто – преступником. Существует немало дел, в которых преступники являются также и жертвами.

В общем и целом амнистии не способствуют раскрытию информации и, по возможности, их следует избегать. В некоторых случаях, однако, следственные органы, наделенные полномочиями предоставления амнистии (которые должны быть очень четко определены), могут склонить преступников к раскрытию информации. Обещание условного помилования или смягчения приговора для тех, кто добровольно предоставляет информацию, может работать как стимул, подобно переговорам о признании вины, используемым в судебной практике. Такое положение является ключевой особенностью работы Южноафриканской комиссии по установлению истины и примирению, которая предлагает преступникам, предоставляющим полную информацию о конкретном преступлении, освобождение от любой уголовной или гражданской ответственности за это преступление¹. Для того чтобы такое положение заработало, преступники должны реально чувствовать, что им грозит уголовное преследование и суровый приговор. Если же преступник считает, что преследование вряд ли возможно, смягчение приговора или помилование будет слабым доводом в пользу дачи показаний. Несмотря на то что несудебные следственные органы, такие как специальная оперативная группа по проблеме пропавших лиц или комиссия по установлению истины, в определенных обстоятельствах имеют полномочия на предоставление амнистии, эффективность такой меры очень сильно зависит от эффективности работы системы уголовного судопроизводства. Кроме того, амнистия должна предоставляться только на условиях добросовестного раскрытия исчерпывающей информации, приемлемой для следственного органа, и только

¹ В ЮАР комитет по помилованию при КИП был уполномочен даровать помилование преступникам, которые раскрывают всю информацию о преступлении. Претендент на помилование должен был предстать перед комитетом в ходе публичного слушания, за исключением случаев, когда рассматриваемый акт связан с грубым нарушением прав человека. См. *Promotion of National Unity and Reconciliation Act*, 26 July, 1995, статья 19(3)(b)(iii).

в отношении преступлений, совершенных по политическим мотивам. Необходимо следить за тем, чтобы даже ограниченная и условная амнистия не наносила ущерба борьбе с безнаказанностью; в некоторой степени это контекстуально обусловленный вопрос, касающийся оптимальной политики, позволяющей не ущемлять прав жертв на информацию и привлекать к ответственности виновных в сложных обстоятельствах.

Процессы, предусматривающие возможность условной амнистии, должны обеспечивать защиту права свидетелей не давать невыгодные для себя показания и прав пострадавших на возмещение ущерба путем предъявления гражданского иска. Прежде всего, легитимность любой амнистии зависит от консультаций с группами пострадавших и правозащитными организациями. Наконец, нужно уделить внимание тому, чтобы закон об амнистии не противоречил обязательствам государства по международному гуманитарному праву или международному уголовному праву.

В большинстве случаев многие из таких механизмов используются одновременно; так, координирование действий разных институтов и их сотрудничество является основным условием успешной работы такого механизма. Например, судебные и несудебные механизмы могут дополнять друг друга, как в ситуации на Восточном Тиморе, где Комиссия по установлению истины и прокуратура, имеющие юрисдикцию для разных типов преступлений, работают параллельно. Проходящие сейчас консультации между органами прокуратуры и институтами, использующими несудебные механизмы привлечения к ответственности, способны помочь сбалансировать приоритеты, юрисдикции и подходы каждого института и управлять процессом взаимного предоставления информации.

Комиссии по установлению истины и аналогичные механизмы

Сильно отличающиеся по своим полномочиям и правам, комиссии по установлению истины и другие следственные комиссии, созданные специально для решения проблемы пропавших без вести, могут использоваться для активного поиска информации, доступ к которой в ходе обычного уголовного расследования осложнен. Например, недавно созданная в Аргентине Комиссия по праву на биологическую индивидуальность занимается регистрацией информации о генетических данных пропавших детей, которые были похищены или родились в местах лишения свободы. Эта процедура способна помочь таким детям и их биологическим родителям получить более подробную

информацию о своем положении и избавить детей от страха, что из-за них их приемные родители могут подвергнуться уголовному преследованию. В некоторой степени этот подход представляет собой сдерживающий фактор при желании начать судебное преследование, ставя на первое место потребность таких детей и их семей в получении информации. Таким же образом в ходе судебных разбирательств в Аргентине была задействована прокуратура для получения более полной информации о пропавших — в этих процессах судебные механизмы привлекались именно для получения информации, даже несмотря на отсутствие возможности применения судебных санкций.

В отличие от перегруженной системы уголовного судопроизводства, манипулирующей различными приоритетами, специализированные институты, которые рассматриваются в данном разделе, концентрируют свои усилия главным образом на расследовании случаев нарушений, происшедших в прошлом, и таким образом могут быть задействованы (а зачастую так оно и происходит) в расследовании судеб пропавших без вести². В окончательном отчете Южноафриканской комиссии по установлению истины и примирению говорится об «установлении участи и местонахождении жертв и предоставлении информации» как о способе достижения национального единства и примирения³. Когда пропавшие считаются мертвыми, расследование, проводимое Комиссией, может также повлечь за собой эксгумацию тел и другие действия, в которых заинтересованы семьи пропавших, выясняющие судьбы своих родственников. Результатом таких расследований должна стать выдача свидетельства о смерти, которое может помочь семьям смириться с потерей своих родных и послужить основанием для получения страховки, пенсии и т.п.

2 Сбор информации о судьбе исчезнувших являлся основной задачей комиссии по установлению истины в Аргентине, Аргентинской национальной комиссии по исчезнувшим лицам (АНКИЛ). «За девятимесячный период комиссия приняла свыше 7000 заявлений, зарегистрировала случаи исчезновения 8 960 лиц». Priscilla Hayner, *Unspeakable truths*, Routledge, New York, 2001, стр. 34. См. также *Nunca Mas: Report of the Argentinian Commission on the Dissapeared*, September 1983. Кроме того, в Чили, во втором томе отчета Комиссии «перечисляются имена жертв и дается информация о них, включая любые известные обстоятельства, имеющие отношение к их исчезновению или смерти». Jo M. Pasuqalicic, «The whole truth and nothing but the truth: Truth commissions, impunity and the inter-American human rights system», *Boston University International Law Journal*, том 2, 1994 г., с. 339.

3 Задача Южноафриканской комиссии состояла в том, чтобы «способствовать сбору информации, инициировать или координировать его (...) [с целью] установления личности жертв [прошлых] преступлений, их участи или местонахождения в настоящее время.» *South African Truth and Reconciliation Commission Final Report*, Vol. 1, Ch.4, para. 31.

Воссоздание картины тех или иных событий является ключевым моментом в деятельности всех комиссий по установлению истины. Эта деятельность включает в себя сбор данных о конкретных случаях и о судьбе пропавших, установление ответственности командования, изучение воздействия нарушений прав человека на определенные сообщества, исследование роли различных институтов, участвующих в определенных событиях, и понимание исторических условий, в которых стало возможным широкомасштабное попрание прав человека. По мнению многих, конечной целью работы любой комиссии по установлению истины должно быть не столько получение необходимой очередной официальной хронологии событий, сколько помощь жертвам в получении информации. Вместо установления новой «Истины» путем учета травм, полученных жертвами, любой комиссии по установлению истины по силам, как заметил Михаил Игнатьев, такая задача, как сужение диапазона «допустимой лжи», касающейся истории нарушений прав человека в данном сообществе.

Поскольку работа комиссии по установлению истины — это не состязательное уголовное производство, сбор информации, осуществляемый под эгидой комиссии, может проводиться в соответствии с правилами надлежащей правовой процедуры, которые отличаются меньшей строгостью, чем обычная система уголовного судопроизводства. Таким образом, требование, предъявляемое к доказательствам, обнаруженным комиссией, заключается в том, что они не обязательно должны исключать всякие сомнения, но должны стать результатом некоего баланса вероятностей. В общем, право вызова в суд может дать возможность комиссиям по установлению истины добиваться показаний от преступников в более свободных рамках надлежащей правовой процедуры. Требования доказательности показаний, предъявляемые к свидетельствам очевидцев и пострадавших, могут также быть смягчены (например, исключение принципа недопустимости в показаниях сведений, известных лицу только с чужих слов или основанных на слухах); это дает комиссиям по установлению истины возможность полагаться на широкий спектр источников. Комиссиям с большей готовностью должен предоставляться доступ к документам, и такие материалы могут содержать сведения, которые не будут приняты в качестве улик в уголовном процессе (например, дача показаний не под присягой).

Поскольку они не ограничены сбором только той информации, которая позволяет следствию установить виновность или невиновность в конкретных случаях, расследования, проводимые комиссиями по установлению исти-

ны, могут собирать и ту информацию, которая относится к различным условиям и ходу событий, способствовавших исчезновению людей. Изучая факты жестокого обращения, то есть вопросы, которые могут быть менее очевидны, если основное внимание сосредоточено на отдельных случаях, — можно понять, почему конкретные люди оказались объектом определенных действий. Это поможет комиссиям по установлению истины предоставить жертвам большой объем качественной информации, которую они вряд ли получили бы в результате судебного разбирательства.

Публичные слушания делают процесс поиска истины всеобщим, они больше напоминают диалог, в ходе которого не только расширяется круг данных и фактов, которыми владеет комиссия по установлению истины, и вовлекается большое количество людей в обсуждение той или иной проблемы. Публичные слушания дают жертвам возможность рассказать о пережитом, о своих интересах и потребностях, помогают обратить внимание на информацию, которая была оставлена за рамками официальных сообщений, и позволяют пострадавшим оказывать влияние на процесс сбора сведений, проводимый комиссиями по установлению истины. В этом смысле такие слушания, по меньшей мере, могут больше соответствовать интересам семей жертв благодаря всестороннему подходу к сбору и анализу информации.

Проведение расследования национальными и международными неправительственными организациями и представление отчетов о таких расследованиях

Исторически сложилось так, что и внутригосударственные, и международные неправительственные организации играют конструктивную роль не только в осознании позиции и действий государств по соблюдению или несоблюдению прав человека, но и в разработке национальных баз данных, объединяющих в себе разные источники информации по делам об исчезновении людей и о других нарушениях прав человека⁴. Значимость и ценность данной

⁴ В ЮАР коалиция неправительственных организаций координировала информацию, которой располагали организации по правам человека в ЮАР и во всем мире еще до того, как КУИП начала свои разбирательства; затем Коалиция передала КУИП эти данные о случаях нарушения прав человека для включения их в национальную базу данных. См. Hugo van der Merwe *et al.*, «Nongovernmental organisations and the Truth and Reconciliation Commission; An impact assessment» (Неправительственные организации и Комиссия по установлению правды и примирению: оценка влияния), <http://www.csvr.org.za/papers/paphvp&b.htm>, стр. 12 и примечание 23 на стр. 30.

информации возрастали в тех случаях, когда имели место координация и сотрудничество разных правозащитных и гуманитарных организаций. Например, в течение последнего года МККК и Перуанская комиссия по установлению истины сотрудничали, предоставляя друг другу информацию (с некоторыми ограничениями) и организовав общественную кампанию по дальнейшему сбору информации⁵. Это партнерство имеет чрезвычайно важное значение и реальные перспективы значительного увеличения объема информации, получаемой семьями. В эпоху повсеместного попрания прав человека в большинстве случаев именно неправительственные организации занимаются документированием и хранением информации; такая информация может быть передана и зачастую передавалась комиссиям по установлению истины, спецпрокурорам и другим следственным бригадам.

Неправительственные организации могут также играть заметную роль в предоставлении информации другого типа, а именно — информации об услугах по поддержке и защите жертв. Ввиду того что процесс дачи показаний всегда тяжел для жертв, различные организации, являющиеся частью гражданского общества, нередко предоставляют им консультационные и другие услуги, которые также могут быть частью признания, столь необходимого пострадавшим. В ситуациях, когда пострадавшие принадлежат к маргинальной или бесправной части общества, неправительственные организации способны играть решающую роль в их объединении, организации деятельности по их защите и помощи в образовании объединений семей, групп поддержки и т.п. Поскольку семьи пропавших людей часто ощущают себя беспомощными и изолированными из-за недостатка информации о том, как им найти своих родных, многие организации могут предоставлять юридические и поисковые услуги, которые позволят семьям успешно разыскивать своих родственников и получить необходимую поддержку. В данном контексте неправительственные организации могут выступать (а нередко и выступают) в качестве главного посредника между правительством и гражданами, что делает более доступными услуги государственных служб, способных помочь семьям.

⁵ По условиям данного сотрудничества МККК предоставит Перуанской комиссии по установлению истины общую информацию (не сами досье на отдельных лиц) по приблизительно 430 делам, которые пока не фигурируют ни в одной из баз данных. Затем будет проведена общественная кампания по проверке данной информации и сбору дополнительной; делегаты МККК будут проводить работу среди местного населения и убеждать людей предоставить известную им информацию. Проект включает в себя систематическое использование опыта МККК в деле розыска людей и создание единого списка исчезнувших.

Международные миссии по установлению фактов, осуществляемые ООН или региональными организациями, могли бы выполнять роль нейтральных посредников в сборе информации, опрашивая в конфиденциальной форме свидетелей и преступников и передавая собранные сведения семьям пострадавших. Если существует опасение, что такая передача информации может в будущем помешать проведению судебных процессов над преступниками, международные организации могут, в качестве организаций «со стороны», координировать совместные консультации с группами пострадавших, правозащитными организациями и прокуратурой, согласовывать некоторые общие принципы по использованию информации в соответствии с балансом приоритетов между предоставлением информации и привлечением к уголовной ответственности.

Институциональные реформы

Институциональная реформа — это перспективный подход к решению задач по удовлетворению потребностей жертв в получении информации. Нам в данном случае важны две категории институциональных реформ: реформы, которые непосредственно касаются удовлетворения потребностей семей пропавших без вести в получении информации, и реформы, направленные на то, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, приводящих к исчезновению людей и создающих препятствия для доступа членов их семей к информации.

Государство должно располагать законами и институтами, которые дают возможность гражданам иметь такой доступ к государственным архивам, который обеспечит соблюдение основополагающих прав и свобод. В большинстве случаев граждане должны иметь право свободного доступа к официальным документам. Практика классификации, касающаяся секретности и отчетности, должна предусматривать публичный доступ к информации, причем для того, чтобы отнести документ к категории «секретный», государство обязано предоставить достаточно веские основания.

Одинаково важно принять законы и институционализировать процедуры, требующие детальной регистрации сведений о задержанных лицах и немедленного уведомления семей задержанных лиц о местонахождении последних, а также предусмотреть положения, обеспечивающие документальную регистрацию таких действий. Более того, когда гражданина заключают под стражу, информация об этом должна быть передана в поли-

цейское отделение того района, где проживает этот гражданин. Общественность необходимо оповестить о праве семей на информацию.

Во многих странах, где количество пропавших без вести велико, имеются специальные предписания для чрезвычайных ситуаций, в соответствии с которыми правительственные силы могут проводить свои операции в условиях повышенной секретности. В ситуациях, когда людей подвергают задержанию в соответствии с такими нормами о чрезвычайном положении и другими законами, не регулируемые стандартными нормами по защите прав человека, необходимы контрольные процедуры, обязывающие государственные структуры документально оформлять свои действия. Государственные организации необходимо обязать периодически представлять отчеты об арестах, задержаниях, переводах или об освобождении заключенных в соответствии с законами о чрезвычайном положении — в контролирующие органы, например, в национальную комиссию по правам человека или в генеральную прокуратуру. Контролирующие органы могут быть также учреждены сторонними беспристрастными организациями, такими как МККК.

Формы установления истины, справедливости и примирения, принятые в определенных культурах

В некоторых случаях наиболее ценные методы поиска информации могут возникать из источников, которые находятся за пределами основных моделей уголовного судопроизводства. Их называют «традиционными» формами установления истины, однако обычно они являются современными, гибридными моделями, которые появились на основе традиций.

Люди с меньшей готовностью предоставляют информацию институтам, которые являются для них «чужими». Процесс Гачача в Руанде может служить примером подхода, сознательно разработанного на основе ряда процессов по решению конфликтов и уголовному судопроизводству, некоторые из которых воспринимаются как свойственные только Руанде, а другие — как происходящие из других африканских и европейских традиций. Пока еще рано делать какие-либо выводы относительно того, учитывает ли этот процесс нужды всех заинтересованных сторон и позволяет ли он получить информацию, которая является точной и полной. Однако творческий подход, принятый в ходе разработки его концепции, поучителен: во многих ситуациях может возникнуть необходимость поэкспериментировать с альтернативными процедурами, легитимными с точки зрения местных традиций и обычаев.

Могут оказаться тщетными усилия, направленные на привлечение к сотрудничеству людей и раскрытие информации, если при этом приносятся в жертву социальные преобразования, примирение и другие долгосрочные приоритеты общества ради достижения единственной цели — привлечь к ответственности. В большинстве случаев для общества равное значение имеют и привлечение виновных к ответственности, и социальные преобразования. Информацию, возможно, легче будет получить в тех случаях, когда механизмы установления истины направлены на решение обеих задач. В данном контексте роль уважаемых членов общества, публично убеждающих свидетелей давать показания и делающих это путем показа взаимозависимости процессов поиска информации и социальных преобразований, может способствовать легитимации процессов поиска информации. Например, роль архиепископа Туту, который призывал свидетелей сотрудничать с комиссией по установлению истины в ЮАР, является примером не только повышения его авторитета среди местного населения, но и результативности, обусловленной взаимозависимостью процесса раскрытия информации и решения более широкого круга социальных задач и целей, а именно, — примирения и исцеления общества в целом.

Кампании по извещению общества о лицах, пропавших без вести

Кампании по осведомлению общества могут быть очень важны не только для получения информации, они дают возможность семьям почувствовать себя не столь одинокими в своем несчастье. В ходе таких кампаний распространяются и собираются сведения. Зачастую информация существует в виде отрывочных, фрагментарных сведений. Такие кампании могут служить катализатором структуризации всей информации, которая уже имеется, и сбора дополнительных данных путем вовлечения в процесс новых слоев общества.

Привлечение к ответственности и несудебные механизмы

Несмотря на то что комиссии по установлению истины потенциально могут служить гибкими и доступными для людей механизмами достижения задач по привлечению виновных к ответственности, чего добиваются семьи пропавших без вести, важно отметить, что они не всегда способны заменить собой механизмы уголовного судопроизводства. На самом деле, комиссии по установлению истины должны координировать свою работу с действиями органов прокуратуры, как это было, например, в Аргентине, Сьерра-Леоне и Восточном Тиморе, или настоятельно рекомендовать судебное преследование (ЮАР), и (или)

проводить расследования, которые окажутся весьма ценными для последующих судебных разбирательств (Чили). В определенных обстоятельствах могут возникать противоречия между законом и интересами семей. Такие противоречия, однако, можно разрешить путем координирования действий, расчета времени и разработки общих принципов, регулирующих работу соответствующих механизмов. Консультации – прямой путь к соглашению о разграничении сферы полномочий или очередности рассмотрения разных типов дел, касающихся лиц, пропавших без вести, и о различных процессуальных последствиях при расширении дел с помощью судебных и несудебных механизмов. Кроме того, такие консультации могут привести к достижению договоренностей по определенным протоколам относительно обмена информацией, что сможет сбалансировать требования этих отличающихся друг от друга механизмов. Судебные и несудебные механизмы привлечения к ответственности по-разному подходят к проблеме удовлетворения нужд и соблюдения приоритетов семей и фактически могут быть направлены на удовлетворение разных, но одинаково важных потребностей. Эти механизмы взаимно дополняют, а не конкурируют друг с другом, ибо имеют единую цель – привлечь виновных к ответственности.

Комиссии по установлению истины имеют особую ценность в ситуациях, когда амнистия запрещает уголовное преследование, либо неустойчивость мира делает уголовное преследование опасным с политической точки зрения и, следовательно, нежелательным, либо когда судебная система воспринимается как тенденциозная, тесно связанная с репрессивным режимом, и поэтому не являющаяся легитимной. В такой ситуации комиссия по установлению истины может оказаться единственным органом, способным откликнуться на потребности жертв, обеспечив хотя бы в какой-то степени привлечение виновных к ответственности. Работа комиссий по установлению истины особенно полезна, если привлечение виновных к уголовной ответственности может состояться в будущем, когда (в другой политической ситуации) можно будет отменить законы об амнистии и снова возвратиться к варианту уголовного преследования: после проведенной ею ранее работы остается бесценный архив свидетельских показаний и улик, собранных в период, по времени наиболее близкий к моменту совершения преступления. Комиссии по установлению истины могут также сослужить хорошую службу в деле привлечения виновных к ответственности в тех случаях, когда крупный масштаб нарушений делает уголовное преследование всех преступников невозможным. Однако в этом случае лица, совершившие преступления, могут

отказаться сотрудничать с комиссией, поскольку информация, которую они раскроют, может обернуться против них в будущем.

Некоторые комиссии по установлению истины уполномочены называть имена в ходе сбора данных — это может способствовать привлечению виновных к ответственности, если позволяют обстоятельства. Такие обстоятельства дают возможность провести беспристрастный и должным образом организованный процесс, а также возможность содействовать или, наоборот, помешать проведению уголовного преследования, ослабить политическую напряженность, сопровождающую данный процесс, и т.д. Когда судебное преследование вряд ли возможно, а комиссии по установлению истины добиваются коллективного признания и коллективной ответственности, особенно важно назвать имена каждого из виновных, призвав тем самым их к ответственности.

В ситуациях, когда нарушения прав человека, например исчезновения, отражают структурное расслоение бывшей системы, комиссии по установлению истины могут сосредоточиться на ответственности тех, кто извлекал выгоду из существования такой системы — перед теми, кто терпел от нее притеснения. Комиссии по установлению истины могут получать информацию как от непосредственных исполнителей, так и от жертв, но, поскольку полномочия комиссий достаточно широки, они имеют возможность проследить и за тем, как ответственность «поднимается» по командным инстанциям, и выйти на тех, кто являлся подстрекателем к преступлению. Жертвы и их семьи часто добиваются привлечения к ответственности виновных на всех этих уровнях и в идеальном случае комиссии по установлению истины должны рассматривать проблему привлечения к ответственности на нескольких «фронтах».

В целом, комиссии по установлению истины более ориентированы на работу с людьми, предоставление поддержки пострадавшим, менее бюрократизированы. К тому же они состоят из юристов, социальных работников и других специалистов, имеющих соответствующую подготовку и опыт работы с населением. Их деятельность всегда является продуктом реформы в области прав человека и, следовательно, не запятнана связями с предыдущими режимами. На самом деле, создание комиссий (и их полномочия) обычно является ответом на требования групп пострадавших. Такие механизмы, как публичные слушания, также позволяют семьям жертв и обществу в целом следить за работой комиссии и принимать в ней участие. Таким образом, комиссии по установлению

правды способны убедить людей в своей прямой причастности к процессам привлечения к ответственности.

Признание и несудебные механизмы

Если создание и институционализация следственных комиссий происходят с учетом принципов прав человека и внимания к интересам пострадавших, то для представителей власти открывается возможность признать ответственность за нарушения прав человека, происшедшие в то время, когда они находились «у руля». Для жертв и их семей такие комиссии могут стать средством получения официального признания фактической ситуации, в которой происходили исчезновения людей. Комиссии помогают сформулировать принцип, в соответствии с которым можно определить, что произошла утрата доверия гражданина к государству, и подтвердить легитимность их жалоб и претензий.

Использование комиссией по установлению истины какого-либо публичного процесса при выяснении судьбы пропавших без вести и ответственности виновников таких исчезновений дает бесценную возможность для различных социальных институтов открыто признавать секреты, ложь и несправедливость, царившие в государстве. Комиссии по установлению истины способны стать мощным инструментом для получения официального признания от государственных властей, они обладают потенциалом быть равноценно сильным, если даже не более сильным, средством получения признания от преступников, то есть от тех, кому был выгоден репрессивный режим, и кто, бездействуя и не пытаясь что-то предпринять, чтобы предотвратить репрессии, становился молчаливым соучастником преступления. Для заинтересованного гражданского общества комиссии по установлению истины могут выступать в качестве институционального инструмента, который позволит обществу в целом дать оценку своему прошлому и примириться с ним.

Репарации

Вопрос репараций стал делом национальной значимости в странах, находящихся в состоянии переходного периода после многих лет репрессивного режима. После повсеместных и частых нарушений прав человека пострадавшие и те, кто остался в живых, а также их семьи, переживают физические и психологические мучения. Кроме того, порой они живут в крайней нищете из-за потери своих кормильцев, неспособности работать, вызванной их физи-

ческим или эмоциональным состоянием, и (или) необходимости нести дополнительные расходы, связанные с выяснением судьбы своих пропавших родственников, и проводимыми для этого судебными процессами. Принцип возмещения и репарации заключается в том, чтобы добиться справедливости путем «устранения последствий неправомерных действий и путем предотвращения и недопущения нарушений⁶». Сюда входят реституция, компенсация, реабилитация, сатисфакция и гарантии неповторения. И судебные (например, судебные санкции или судебное решение), и несудебные механизмы (например, публичное раскрытие правды или поминовение) являются составляющими частями репараций⁷.

В практике Межамериканского суда по правам человека, а также в рамках юрисдикции некоторых стран, таких как Аргентина, все большее признание приобретает право на знание правды⁸. Несудебные органы, такие как Чилийская Комиссия, также признали, что информация является ключевым компонентом репараций, и классифицировали раскрытие истины и рассекречивание информации как одну из трех категорий репарации, остальные две — это признание и определенные меры по компенсации.

6 «Basic principles and guidelines on the right to reparation for victims of gross violations of human rights and humanitarian law» (Основные принципы и рекомендации относительно права на возмещение и репарацию для жертв нарушений международного права прав человека и международного гуманитарного права), Приложение, «Revised set of basic principles and guidelines on the right to reparation for victims of gross violations of human rights and humanitarian law» (Переработанные основные принципы и рекомендации относительно права на возмещение и репарацию для жертв нарушений международного права прав человека и международного гуманитарного права), подготовленный господином Тео ван Бовеном (Theo van Boven) в соответствии с решением подкомиссии, 1995/117, Док. ООН E/CN.4/Sub.2/1996/17, 24 мая 1996 г., ч. 7.

7 Там же, ч. 15.

8 Аргентинские суды имели интересные прецеденты в отношении права на истину. Несмотря на законы, принятые в 1987 г. («Full-stop law» (закон о полной остановке) и «Due obedience law» (закон о должном подчинении) и устанавливающие определенные ограничения на проведение уголовного расследования преступлений против прав человека, имевших место в прошлом, в середине 90-х годов семьям исчезнувших удалось подать в суд прошение о признании права жертв на правду, для соблюдения которого государство должно было принять упреждающие меры. Суды признали, что жертвы нуждались в том, чтобы существовала определенность в отношении судьбы их близких, и должны иметь возможность оплакивать своих умерших родных и что «государство обязано использовать законные средства для воссоздания картины прошлого с целью обнаружения фактов и этим самым выполнить свой долг перед членами семей и обществом». Маргарет Попкин (Margaret Popkin) и другие, «Latin America amnesties in comparative perspective», *Ethics and International Affairs*, том 13, 1999 г., стр. 109.

Существует несколько репарационных мер, которые могут быть приняты для облегчения доступа жертв к информации. В Гватемале Комиссия по выяснению исторических фактов рекомендовала разработку Национальной программы репараций, включающую, помимо прочего, специальную комиссию для «поиска исчезнувших, незаконно усыновленных или разлученных со своими семьями детей», а также проведение «активной политики экстумации для выявления тайных захоронений», что «само по себе является актом справедливости и репарации»⁹. Репарационная программа может включать в себя помощь семьям в виде необходимых следственных, поисковых и правовых мер для выяснения судеб без вести пропавших.

Репарационные программы могут обеспечить признание вины различными способами: в виде денежных выплат, предоставления социального обеспечения, освобождения от военной повинности, и т. п. В некоторых случаях репарационные программы могут быть направлены на признание определенного ущерба, который понесли отдельные жертвы; таким образом, характер и объем компенсации будет зависеть от того, какой конкретно ущерб был нанесен. Из прагматических соображений и (или) по принципиальным причинам репарационные программы могут быть более обобщенными и унифицированными, признающими ответственность государства перед целым классом жертв. Несмотря на то что никакие деньги или услуги не в состоянии компенсировать перенесенные страдания или боль утраты любимого человека, все же выплата даже относительно скромной денежной суммы может стать очень серьезной помощью жертвам, живущим в бедности, а также важной психологической поддержкой, потому что она означает признание прошлых преступлений и принесение официального извинения, выраженного в материальном виде. Кроме того, такие выплаты могут быть средством признания нанесенных травм и причиненных страданий и компенсации могут выплачиваться в течение длительного периода времени. Помимо признания тяжелого материального положения жертв, символические репарации заставляют государство признать достоинство и ценность пропавшего человека, факт нарушения законных прав в результате событий, повлекших за собой исчезновения, а также эмоциональные и психологические травмы, пережитые жертвами.

Круг символически значимых мер может включать в себя официальные извинения, установку памятников, надгробных плит и др. Это не что

⁹ Там же.

иное, как признание, оно особенно важно для семей в их стремлении к увековечению памяти родных, утрата которых столь тяжела для них и для общества в целом, рассматривающего памятники как олицетворение живой памяти о пропавших и символ страданий. Как извинения, так и памятники могут быть исключительно ценными актами самого *публичного* признания. Преступники обычно остаются безнаказанными из-за того, что преступления (особенно это касается случаев, связанных с исчезновением людей) совершаются тайно; а жертвы часто переживают боль утраты в одиночестве, не имея ни малейшей поддержки со стороны общества в виде признания страданий, причиненных им. В этой связи публичное увековечение памяти пропавших через официальные извинения и установление памятников могут иметь огромную символическую ценность для признания факта преступлений, совершенных против лиц, пропавших без вести. Обычно такие памятники помогают семьям смириться с действительностью и встать на путь к исцелению от душевных травм, при условии, что мнения семей учитываются в процессе проектирования и возведения этих сооружений.

В некоторых ситуациях репарационные программы могут оказать огромную пользу для признания и избавления от той неизвестности, которая сопровождает дела о лицах, пропавших без вести. В Аргентине репарации, не выражающиеся в денежных выплатах, распространялись также на новую юридическую категорию — «насильственно исчезнувшие»; термин «насильственное исчезновение» представляет собой юридический эквивалент смерти для целей права (исполнения завещаний и распоряжения имуществом), однако предусматривается вероятность того, что человек найдется, а также освобождение от военной службы и предоставление кредитов на постройку жилья для детей исчезнувших людей¹⁰.

Теоретически объектами привлечения к ответственности могут являться: действующее правительство, общество в целом, те, кому была выгодна репрессивная система, и исполнители репрессий. Правительство финансирует большинство репарационных программ, и поэтому можно сказать, что, в определен-

10 Некоторые группы, представляющие интересы семей жертв в Аргентине, наиболее известной из которых является Las Madres de la Plaza de Mayo, осуждают государственные репарации и настаивают на раскрытии информации об участии всех своих родственников. Тем не менее большинство семей исчезнувших и бывшие политические заключенные приняли репарации. Присцилла Хайнер (Priscilla Hayner), *Unspeakable Truths*, Routledge, New York, 2001, с. 177–178 и 330–331.

ной степени, оно признает государство ответственным за неспособность защитить своих граждан и (или) за недобросовестность государственных чиновников и государственных институтов, непосредственно отвечающих за исчезновение людей. Принцип признания государством ответственности, реализованный через репарационные программы, является для жертв инструментом восстановления определенной степени справедливости. Как в ситуации в Чили, когда была введена в действие репарационная программа, восстановление справедливости с помощью репараций имеет особую важность для тех жертв, которые не имеют возможности воспользоваться судебными механизмами восстановления справедливости в виде уголовных разбирательств или гражданских исков.

Поскольку реализация репарационной программы осуществляется на средства из государственного бюджета, любая репарационная программа делает действующее правительство ответственным за установление приоритетов в выделении бюджетных средств. Однако конкретный метод финансирования отдельных позиций по репарациям, используемый правительством, может рассматриваться как признание ответственности. Обычно такие программы финансируются частично за счет международной помощи и частично за счет внутренних поступлений, в том числе в виде налогов. Если репарационная программа частично финансируется из средств, поступающих в казну в виде налогов, она становится тем самым инструментом, который делает ответственным все общество в целом. Однако репарационные программы могут финансироваться не только из государственных фондов. Средства для таких программ могут поступать от корпораций и других организаций, которым был выгоден предыдущий режим. Например, программа репараций для жертв рабского труда в нацистской Германии частично финансируется конгломератом корпораций, которые использовали рабский труд на своих заводах и фабриках в тот период. Точно так же Южноафриканская КУИП рекомендовала обложить всех белых единовозным налогом и использовать эти деньги для выплаты репараций чернокожим жертвам; по существу, это явилось средством, позволившим лицам, которым был выгоден апартеид, почувствовать ответственность за свои действия. Наконец, репарационные программы могут также финансироваться непосредственно участниками тех или иных преступных действий. Несмотря на то что гражданские иски являются традиционным методом, позволяющим заставить преступников экономически искупить свою вину перед жертвами, существуют также альтернативные возможности добиться этого. В некоторых странах, например на

Филиппинах, правительство добивалось того, чтобы средства виновных в нарушении прав человека были заморожены, а в Перу средства, полученные с виновных по делу *Bartios Altos*, будут использованы для финансирования репараций в пользу их жертв. Таким образом, жертвы получают репарации, такие компенсации обретают большую значимость, поскольку они заставляют преступников понести наказание, выраженное в материальной форме.

Заключение

Необходимо ясно понимать, что семьи жертв имеют разнообразные и порой даже отличающиеся друг от друга потребности, и, следовательно, добиться удовлетворения таких потребностей можно, только применив целый ряд механизмов. Судебные и несудебные механизмы не обязательно выступают как два альтернативных инструмента. Они, скорее, должны разработать общую платформу для обмена информацией и другими ресурсами с целью удовлетворения потребности семей в информации, а также привлечения к ответственности и признания. Для наибольшей эффективности необходимо координировать работу этих механизмов и взаимодействие между разными институтами, занимающимися различными аспектами потребностей и приоритетов жертв.

Например, в большинстве стран наилучшим способом удовлетворения потребности семей в информации является использование одновременно различных механизмов для наиболее полного сбора сведений обо всех случаях исчезновения людей. В связи с этим неправительственные организации и органы, уполномоченные государством расследовать случаи исчезновения, должны стремиться к созданию полной базы данных, используя имеющийся у них опыт, ресурсы и возможности связаться с семьями пропавших с целью сопоставления информации и обмена ею.

При задействовании всех механизмов следует добиваться того, чтобы семьям жертв своевременно предоставлялась информация и помощь. Например, судебные и несудебные механизмы могут совместно выработать процедуры, дающие право семьям выражать свое мнение относительно слушаний по вопросам вынесения приговора, освобождения под залог и освобождения из-под ареста. Этого можно добиться путем физического присутствия членов семей на таких слушаниях и (или) предоставления отчетов о воздействии на пострадавших. Без участия семей в разработке и реализации механизмов, занимающихся проблемами лиц, пропавших без вести, мы рискуем причинить еще большие страдания семьям в ходе процессов, направленных как раз на облегчение страданий.

Более того, очень важно, чтобы решались вопросы, касающиеся языка, местоположения, пола, а также таких обстоятельств, как нищета и безграмотность, чтобы учитывались другие факторы, которые могут препятствовать доступу семей пострадавших к информации, участию в инициативах, финансируемых организациями по правам человека, комиссиями по установлению истины, специальными органами прокуратуры, правительственными ведомствами и пр. Это и будет являться до некоторой степени признанием того неоспоримого факта, что для реализации процесса, который имеет ограниченную легитимность и отвечает потребностям и приоритетам наиболее пострадавших членов общества, жизненно необходимо укрепление гражданского общества.

Гибкость и творческий подход при использовании следственных методов и процедур являются ключевыми факторами в установлении равновесия приоритетов. От Восточного Тимора до Руанды и ЮАР переходные моменты оказывались наиболее благодатной ситуацией для институциональных инноваций, когда сила обстоятельств — будь то скудность средств, масштаб нарушений или компромиссы переходного периода — порождала творческий подход и экспериментирование в работе механизмов, созданных для предотвращения массовых преступлений.